

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO X Buenos Aires, Jueves, 25 de setiembre de 1958

Буэнос Айрес, четверг 25 сентября 1958 года № 453

Н. Кусаков

О национализме и других вопросах

Отечество находится не в географии.

(А. Хомяков)

В языке современности едва ли есть термин более скользкий и неясный, чем термин “национализм”. В нем проявляется висящее над нами проклятие Вавилона. Мы пользуемся одним языком так, что не понимаем друг друга, а иногда и самих себя. “Холоден и жалок наш язык”, замечает поэт Надсон, говоря о человечестве. Впрочем, мы еще не утратили способности проникать в суть слова и речи и из этой сути извлекать нужное понимание, столь необходимое для благотворного единения, единомыслия и согласия.

Проявления русского национализма способны толкать людей во враждующие лагеря. Давно ли было, что одни движимые национальным чувством, стремились на сторону немецкой армии и с нею вместе сражались против советской армии, в то время как другие, в силу национального же чувства, иногда вопреки своим политическим убеждениям, оставались в рядах Красной армии и, обороняя Советскую власть, мнили себя защитниками Родины.

В чем же дело? Нам думается, что причина недоразумения лежит в различии понятий, которые влагаются нами в слово “нация”. Оно действительно имеет две стороны: государственно-политическую и этнографическую. Есть языки, в которых слово “нация” является синонимом слова “страна” — “государство”. В русском оно синонимично слову “народ”, но при этом оно не вполне теряет и свой государственно-политический оттенок. Русское ухо лишь с большим трудом способно согласиться с тем, что человек может не иметь национальности. А между тем так бывает. В некоторых странах Нового Света так называется лицо, не имеющее государственной принадлежности, гражданства или подданства: “Sin nacionalidad” — без национальности.

Страна, государство есть продукт самобытной культуры народа, и то и другое сливаются в некое единство, которого по существу нет. Их надо уметь рассматривать порознь.

Жизнь страны бывает гармоничной тогда, когда политическая внешность государства, страны, отвечает культуре народа. Если народ живет нормальной жизнью, отвечающей его культуре, то нормально формируется и протекает и его государственная, общественная, экономическая и т.д. жизнь.

Термин “национализм” смешивает эти два понятия. Национализм возник не в России. Может быть, правы те, кто говорит, что национальное самосознание никогда не было сильно развито в России. Национализм, национальная гордость, переходящая в чванство, бывает тем острее, чем меньше страна. Русский человек всегда чувствовал себя уверенно и спокойно на действительно необъятных просторах своей Родины. Он мало соприкасался со своими иностранными соседями и не испытывал болезненного грошевого чувства обиды от того, что о нем думают и говорят где-то. Россия не могла похвалиться обилием национальной гордости потому, что в России не было причин, в силу которых честь подменялась бы гордостью и чванством.

Однако, сильно ошибается тот, кто сказал бы, что русскому народу не свойственно чувство патриотизма, глубоко проникающее его сознание. Это сознание пошло вглубь и в слово “Оте-

чество” (Patria) Русский народ вложил понятие об Отечестве, которое способно восприниматься отдельно от земли и страны. Когда русский человек ощущал, что вторжение иноземцев способно оказать подавляющее и поражающее влияние на это его Отечество, на его самобытную культуру, он подымался на врага и в отечественной войне являл себя всеми силами и возрастами своего общества, причем не оставались в стороне от борьбы ни старики, ни жены, ни дети.

Когда внимание обращается к национальному чувству в наши дни, нам нужно видеть его не с точки зрения государственной жизни, но надо смотреть на него с точки зрения жизни народной.

“Ведь отечество находится не в географии. Это не та земля, на которой мы родились и которая в ландкартах обводится зеленой или желтой краской. Отечество также не условная вещь. Это не та земля, к которой я приписан, даже не та, которую я пользуюсь и которая давала мне с детства такие-то и такие-то права и такие-то и такие-то привилегии. Это та страна и тот народ, создавший страну, с которойрослась вся моя жизнь, все мое духовное существование, вся целость моей человеческой деятельности. Это тот народ, с которым я связан всеми жилами сердца и от которого оторваться я не могу, чтобы сердце не изшло кровью и не высохло”.

(А. Хомяков)

Когда мы смотрим на народную жизнь России, мы должны ценить не поверхностные ее проявления, т. е. не ее язык, ее быт, нравы, обычаи, эпос и фольклор. Как бы близко и любезно нашему сердцу все это ни было, как ни важно все эти элементы блюсти в чистоте, мы должны понимать, что они есть лишь форма, внешность чего-то более существенного. За ними, действительно, скрывается некий стержень. Соблюдение форм необходимо для нормального бытия сути. Но без сути форма имеет одну цену: грош в базарный день! Этим стержнем, этой сутью является некий внутренний моральный закон, исконно воспринятый народом, — русским народом. Этот закон есть элемент, определяющий формирование всех внешних проявлений жизни народа, а, следовательно, и страны. Отсюда: формы быта, нравы, обычаи, эпос и фольклор и даже целый ряд особенностей языка; отсюда и формы государственной жизни. Любя все это, надо любить прежде всего корень, из которого это произрастает.

Закон этот существует не в писанной форме. Он пишется на скрижалях сердца!

“Неписанный, если хотите, но реальный и основной, прежде всех писанных законов, такой, который вообще сделал возможными законы писанные, должен был быть и есть и всегда будет имманентный человеческому обществу с момента его возникновения и до самого конца его существования, — подлинно непреклонный закон, подобный закону военного времени, имеющий большую ценность, нежели какой бы то ни было другой закон” (Карлайль).

“Принадлежать народу значит с полною и разумною волею сознавать и любить нравственный и духовный закон, проявляющийся в его историческом развитии”. (А. Хомяков)

Если народ избирает свой нравственный закон в полном соответствии с тем имманентным законом, существование которого устанавливает английский философ Карлайль, то исторический путь народа непременно приводит его к торжеству. В противном случае, т. е. при избрании закона неверного или же при отступлении от верного закона, естественные жизненные бедствия разлагают народ и приводят его и его страну к ничтожеству.

При своем историческом возникновении русский народ избрал верный закон, и именно он, верность ему, создали поразительное явление исторического пути Руси — России. Вот почему мы считаем его поразительным.

Если бы наблюдатель, оснащенный знаниями и представлениями, в XI веке знал обо всех бедствиях, которые предстоят русскому народу в дальнейшем, и если бы этому наблюдателю в XI веке кто-то сказал бы, что Киевское княжество Руси через 800 лет станет самым большим и самым благополучным государством в мире, этот наблюдатель такому предположению не дал бы никакой цены, никакого доверия. “Пустая фантазия!” — сказал бы он, глядявываясь в монгольские полчища. “Фантазия” — повторил бы он, представляя себе полное разрушение русской государственности под ударами польского империализма. “Русь погибнет, как погибли обры!”

Но интересно то, что во время Киевского княжества никто не задавался целью создавать в грядущем величайшее государство. Россия получила сама в результате течения жизни народа, избравшего себе культуру, верно отвечающую тому извечному, неписанному закону, о котором говорит Карлайль. Русь создавалась и устояла, и держалась только благодаря верности своей Закону Христовой Церкви, благодаря своему моральному и духовному Закону.

Принимая Православие, св. Благоверный Великий Князь Владимир не думал о нем, как о фундаменте, на котором создастся государство. Поляков в Москве не русская государственность победила, их погубил католицизм. Владислав мог бы воцариться. Римский католик — нет. Народ поднялся на защиту Православной веры.

Лишь позднее существо, т. е. внутренний закон, полностью соединившись с формой, т. е. с народностью и государственностью, привело к триединству: Православие, Самодержавие, Народность. Русский солдат побеждал тогда, когда его сознание полностью ощущало, что он борется за Веру, Царя и Отечество. Порожденные одним и тем же Законом эти три понятия слились воедино; воплотились в едином понятии — Россия. Вера — суть, содержащая. Царь и Отечество — необходимая форма. Любовь к форме становится беспредметной, если и когда нет любви к

Многуважаемый

Всеволод Константинович!

Группа подписчиков “Нашей Страны” приветствует Вас из соседнего Уругвая с десятилетием издания газеты и шлет Вам свой низкий поклон, как выраженные благодарности за сохранение Вами этого многострадального органа Народно-Монархического Движения.

В разных странах и под различными названиями издавалась наша газета покойным Иваном Лукьяновичем, т. к. судьба ее находилась в тесной зависимости от судьбы ее основателя, а его судьба — всюду подвергаться преследованиям наших идеологических противников, не гнушавшихся в своей борьбе с ненавистным им Солоневичем прибегать к самым гнусным средствам: от клеветы до покушения на убийство, включительно.

Эти непрекращавшиеся преследования заставили Ивана Лукьяновича перебраться в Аргентину. Но и здесь враги не оставили его в покое. Мы вспоминаем день, когда встречали паром, привезший его в Уругвай. Он приехал совсем больной физически, но крепкий духом, с целью продолжать и отсюда борьбу за спасение нашей Родины. На этот раз он приехал один, оставив в Аргентине свою газету и Вас, своего неизменного и верного сотрудника, на ее страже.

Пять лет тому назад мы похоронили в Уругвае тело нашего идеолога, но душа его продолжает жить в Аргентине, в редакции “Нашей Страны”, которую, несмотря ни на что, Вы сумели сбереечь и за это мы Вам низко кланяемся и благодарим.

Группа подписчиков

Монтевидео
из Уругвая
5 сентября 1958 г.

Редакция доводит до сведения представителей, подписчиков и читателей газеты, что №№ 451 и 452 “Нашей Страны”, в связи с десятидневной забастовкой почтовых служащих, были отправлены из Буэнос Айреса с большим опозданием.

По той же причине, адресованные Редакции письма не были получены вовремя и, следовательно, не могли быть своевременно напечатаны и те статьи и заметки, которые в этих письмах находились.

содержанию, для которого эта форма существует.

В конце XIX века, оглядывая прошлое своей Родины и взирая на тогдашнее ее настоящее, русский народ имел право, скорее долг, благодарственно воскликнуть к Богу: “Рука Твоя языки потреби и насадил еси нас. Не бо мечем своим наследихом землю, и мышца наша не спасе нас; но десница Твоя и мышца Твоя и просвещение лица Твоего, яко благоволил еси в нас”. (Сравн. Пс. 43, 3-4). Почему благоволил? Потому, что Россия избрала Его закон и была ему верна.

Качество человеческой личности бывает тем выше, чем глубже она ощущает моральный и духовный закон, чем тщательнее она его исполняет, чем более скорбит, когда нарушает его по своей человеческой немощи.

“Человек или народ сознает святость и величие закона нравственного, которому подчиняет он свое существование; но в то же время признает, что этот закон проявлен им в жизни недостаточно или дурно, что его личные страсти и личные слабости исказили прекрасное и святое дело. Такое смирение велико; такое признание возвышает и укрепляет дух; такое самоосуждение внушает невольное уважение другим людям и другим народам”. (А. Хомяков)

В следующем номере **ЧИТАЙТЕ** очерки Александры Воронцовой — **ПО ЧЕРНОМОРСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ** — с группой иностранных туристов в Одессе, Севастополе, Ялте, Феодосии и в других прибрежных городах Крымского и Кавказского побережья — до Батуми.

В следующем номере — Очерк первый: **О д е с с а.**

Такова одна из причин, определивших неразвитость национализма в России. Но, к сожалению, современность проходит мимо этих обстоятельств. Приходится слышать суждения, именуемые национальными, причем в них едва ли удастся слышать звучания, относящиеся к нравственному и духовному закону России, к исполнению или неисполнению его. Глядя на понятие национализма в свете сказанного, мы испытываем скорбь и недоумение, когда люди, именующие себя русскими националистами, полные добрых желаний, не замечают этого главного. Это приводит их к темам, то не заслуживающим обсуждения, то к выводам неверным и противоречащим их собственному сердечному устремлению. Так, одни, выступая в качестве русских националистов, устремляя свой взор на географическую карту и, в порядке изображения своих национальных чувств, негодуют, что Америка хочет расчленения России (когда Америка просто вообще ничего не хочет, кроме покоя). Другие начинают видеть в Хрущеве деятеля русской национальной политики... Такие высказывания есть результат нечеткости выражений, недостатка филологической осведомленности, недостаточно четкого анализа этимологической структуры слова "нация". Происходит смешение понятий о нации, как государстве и как народа.

Но здесь сквозит и недостаточная чуткость к Правде своей Родины. Эта правда не есть предмет, который можно рационалистически изложить и доказать арифметически. Правда всякого дела постигается чувством, чутьем. Это относится к правде не только добра, но и к правде злодеяний. Для успеха злодеяния нужно чувствовать его подлинную цель, его превратную правду. Нужно чутье!

Рассказывают, что в ответ на какое-то высказывание о действиях, способных вести к революции, Ленину кто-то из его сообщников заметил, что он противоречит реальности, действительности. Ленин возразил: "Я это чувствую сквозь реальность". Подумайте о гениальном чутье Маркса и Ленина, когда и тот и другой для того, чтобы вызвать революцию, разработали целую научную систему доказательств, выдумали якобы существующие законы имманентные развитию общества, которые ведут к революции! Предоставим наивным людям и сегодня еще думать что эти законы существуют. Но факт остается фактом: революция произошла не в силу этих законов, а в силу воли революционеров. Они обманули народные массы и поставили их на служение своей цели: революции. Когда они лгали, они чуяли свою превратную правду. Троянский конь революции

подкапывал долго и свою роль сыграл, увы, блестяще.

Без чутья, с одними географическими и экономическими представлениями, только "с карандашом в руках", можно забрести в какие угодно дебри. Русские, называющие себя националистами, на основании исторических фактов, по данным географии и экономики, сами мучительно колеблются в своих оценках. Без чутья к основному моральному и духовному закону Родины, они всякий национализм способны оценивать положительно, не будучи в состоянии чуять внутреннюю ложь, зачстую сопутствующую проявлениям национализма, делать выводы, противоречащие интересам русского народа и России, которых они искренне любят и которым желают добра. Мучительное противоречие!

Люди недоброй воли идут дальше и изображают чувства русского национализма, довольно беззастенчиво приглашая под знамена Хрущева и Ко. Удивительно ли и то, что многие иностранцы видят в Хрущеве русского националиста, а в его политике — "продолжение политики русских царей"?

В ответ на этот лес заблуждений, наблюдаемых вокруг национализма, мы выдвигаем на первое место принцип, что основой русского патриотизма... (Давайте сдадим в архив слово "национализм". Оно выражает слишком много, чтобы выражать то, что нужно!), — основой нашей любви к Родине, к Отечеству должна быть наша любовь, не к очертаниям ее земли на географической карте, не любовь к фольклору, эпосу и быту русского народа и прочим элементам внешнего проявления народной жизни, но наше понимание и наше прилежное отношение к основному нравственному и духовному Закону России. Без этого понимания и чутья мы лишаем себя права выступать от имени России, от имени русского народа; без этого мы рискуем соскальзывать в такую плоскость суждений, где при доброй воле мы можем оказываться то адвокатами, то даже союзниками сил, губящих русский народ. (Кстати, не все ведь так называемые советские патриоты, возвращенцы, были полноценными подлецами. Но даже и у самых честных из них не было ни на грош чутья к Правде России).

Мы говорили о праве. "Какие же начала безусловного права? Человек является в совокупности сил умственных и телесных. В этом отношении он может быть предметом науки чисто опытной, человекознания (антропологии), но его сил не имеют еще характера права. Эти силы могут быть ограничены извне, силами природы или силами других людей; но и сила в ограничении своем не имеет еще значения права. Это только сила стеснен-

ная. Для того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы от закона, не от закона внешнего, который опять не что иное, как сила (как напр. завоевание), но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признанная им нравственная обязанность. Она и только она дает силам человека значение права". (А. Хомяков)

Поверьте, если мы все дружно будем выступать и единомысленно действовать в пределах и дисциплине этого закона и этого права, то мы подлинно будем выступать в интересах русского народа, в интересах России, жизни народа, его быта, его культуры, а не в интересах географической карты, которая последние сорок лет верно служит интересам угнетателей русского народа и разрушителей его культуры.

Духовный и моральный закон России в течение веков ее исторического бытия есть вера и мораль св. Православной Церкви. Это не геополитика и не империализм; это не география, не сухие исторические факты, это не экономика. Это Божья Правда.

Отступление от этого Закона, а тем более борьба против него, есть преступление, которое называется двумя словами: измена Родине.

Именно в этом преступлении повинна революция 1917 года, завершившаяся Октябрьским переворотом. Декабристы, западники, творцы Февраля — отступники Родины. Они проложили дорогу явным изменникам. Ленин, конечно, был изменником Родине, как им был Сталин и как им является Хрущев. (Троцкого обвинять в измене России не приходится. Закон и мораль исторической России ему всегда были чужды и враждебны). Изменником Родине является, конечно, каждый чекист и каждый коммунист, каждый советский активист, каждый советский дипломат. Если эта статья попадет в руки иностранцу, он в недоумении остановится, не понимая, как может быть назван изменником Родине Хрущев и все дипломатические представители Москвы. А между тем они именно это самое и есть. Они представляют не Россию, а Советскую власть, в корне враждебную России. Они — изменники Вере, Царю и Отечеству.

Советская власть отвергла и преследует основной моральный и духовный Закон России, тот Закон, который сформировал и направлял жизнь Руси великокняжеской и царской, России императорской, самобытную жизнь народа; ту жизнь, из которой появились все формы человеческих взаимоотношений в России, и которая определяет наше понятие об Отечестве. Советская власть назвала этот Закон предрассудком и объявила ему войну на полное истреб-

ГАЛЛИПОЛИЙСКИЙ ПАМЯТНИК В ПАРИЖЕ

Правление Отдела Общества Галлиполицийцев во Франции сообщает:

На участке кладбища Сан Женеви в де Буа, приобретенном Отделом Общества, отведено специальное место для сооружения памятника, долженствующего запечатлеть память о галлиполицийцах, сохранивших верность Белой Идее.

По проекту — Галлиполиийский памятник, разрушенный землетрясением, в уменьшенном виде должен быть воздвигнут на достаточно высоком доколе, где устанавливается ряд памятных досок, чем осуществляется идея символической братской могилы Белых Вождей и воинов, погибших за честь России и скончавшихся на чужбине.

Общее символическое значение проектируемого памятника отвечает не только стремлению его строителей, но и возлагает на всю русскую национальную эмиграцию моральный долг облегчить материальные трудности путем участия в сооружении такового, как в деле русской чести и русской совести.

Из этих соображений все вопросы, связанные с постройкой памятника и реальное его осуществление, передаются компетенции специально созданной комиссии, в которой широко представлены как органы Правления Общества Галлиполицийцев, так и воинские организации в лице их возглавителей.

Правление Отдела Общества Галлиполицийцев во Франции
Париж 1958 г.

ление. Это было и осталось актом отступничества, актом перехода на сторону врага, актом измены Родине. Это было и осталось путем, которым Советская власть следует неуклонно и с которого она сойти не может. Иначе она перестанет быть сама собою.

Избрав закон превратный, Советская власть не может в занятой ею стране учредить обстановку жизни достойной человека. Народ бедствует.

Советская власть ввергла русский народ в невероятные лишения, нищету и бесправие. Но, думается нам, что не это было основой той страшной враждебности, с которой русские люди в массе относятся к Советской власти. На протяжении своей истории русский народ видел немало лишений. Контрреволюционная закалка, закалка антисоветская возникла не столько от лишений, не столько от самого произвола, но больше всего от того, что эти лишения, этот жесточайший произвол являются единственными методами борьбы для искоренения морального и духовного Закона России. Этот Закон, выражаемый в церковном исповедании Православной веры, равно как и во всех элементах православной морали

И. СОЛОНЕВИЧ

№ 25

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

Я начинаю чувствовать, что на лесоразработках было бы куда легче и уютнее... Впрочем, впоследствии, так и оказалось. Но лесоразработки — это "конвейер". Только попади — и тебя потащит чорт его знает куда. Здесь все-таки как-то можно будет изворачиваться...

Откуда-то из дыма канцелярских глубин показывается некий старичек. Впоследствии он оказался одним из урчевских воротил, товарищем Наседкиным. На его сизом носу, перевязанные канцелярской драгтой железные очки. Лицо в геммороидальных морщинах. В слезящихся глазках — добродушное лукавство старой, выдавший всякие виды, канцелярской крысы...

— Здравствуйте. Это вы — юрист с Погры? А это — ваш сын? У нас, знаете, две пишущих машинки — только писать не умеет никто... Работы вообще масса... А работники... Ну, сами увидите. То есть — такой неграмотный народ, просто дальше некуда. Ну, идем, идем. Только вещи-то с собой возьмите... Сопрут, обязательно сопрут. Тут такой народ — только отвернись — сперли. А юридическая часть у нас заущена — страх. Вам над ней крепко придется посидеть...

Следуя за разговорчивым старичком, мы входим в урчевские дебри. Из махорочного тумана на нас смотрят жуткие, кувшинные рыла — какие-то низколобые, истасканные, обалделые и озверелые. Вся эта губерния неистово пищит, штемпелюет, подшивает, регистрирует и ругается.

Старичек начинает рыться по полкам, ящикам и просто навальным на полу кучам каких-то "дел", призывает себе в помощь еще двух канцелярских крыс и, наконец, из какого-то полуразбитого ящика извлекают наши "личные дела" — две папки с нашими документами, анкетами, приговором и прочее. Старичек пердвигает очки с носа на переносицу.

— Солоневич, Иван... так... образование... так, приговор, гм, статьи...

На слове "статья" старичек запинаясь, спускает очки с переносицы на нос и смотрит на меня взглядом, в котором я читаю:

— Как же это вас, милостивый государь, так угораздило? И что мне с вами делать?

Я тоже только взглядом отвечаю:

— Дело ваше — хозяйское.

Я понимаю: положение и у старичка, и у УРЧ'а — пиковое. С контрреволюцией брать нельзя, а без контрреволюции — откуда же грамотных-то взять? Старичек повертится, повертится — и что-то устроит.

Очки опять лезут на переносицу, и старичек начинает читать Юрино дело, но на этот раз уже не вслух. Прочтя, он складывает папки и говорит:

— Ну, так значит — в порядке. Сейчас я вам покажу ваши места и вашу работу.

И, наклоняясь ко мне, — шепотом:

— Только о статейках ваших вы не разглагольствуйте. Потом как-нибудь урегулируем...

НА СТРАЖЕ ЗАКОННОСТИ

Итак, я стал старшим юрисконсультom и экономистом УРЧ'а. В мое ведение попало пудов тридцать разбросанных и растрепанных дел и два "младших юрисконсульта", один из коих, до моего посвящения на горизонте, именовался старшим. Он был безграмотен и по старой, и по новой орфографии, а на мой вопрос об образовании ответил мрачно, но маловразумительно:

— Выдвигенец.

Он бывший комсомолец. Сидит за участие в коллективном изнасиловании. О том, что в советской России существует такая вещь, как уголовный кодекс, он от меня услышал в первый раз в своей жизни. В ящиках этого "выдвигенца" скопилось около 4000 (четыре тысяч!) жалоб заключенных.

И за каждой жалобой — чья-то
Мое "вступление в исполнен-

ким образом:
Наседкин ткнул пальцем в з-

отчасти разложенной на полках
части валяющейся просто на пол-

— Ну, вот, это значит, ваш
ретесь — что куда.

И исчез.

Я сразу заподозрил, что и с
ет "что — куда" и что с подоб
ни к кому не обращаться. Мои
незаметно растаяли и исчезли, т
пытался было вернуть одного и
дического отдела". Но от этого
казаться: мой "пом" оказался
скрывается бестолковым парнем.
— работа в таких закоулках УР
даться судьбой — ну, хотя бы
получать двойную порцию каш

Я очутился наедине с тридц
к лицу с тридцатью кувшинным
ветского актива.

А советский актив — это ве

О П О Р А

"ПРИВОДНОЙ РЕМЕНЬ К МАС

Картина нынешней российск
не только директивами верхов, н
тики тех миллионных "кадров
этих верхов и директив служа
Это — крепкий ремень. В адми
лет двенадцати этот актив бы
"естественного отбора", спаялся

проявляемых русскими людьми интуитивно, бессознательно, даже безбуживками, которые не могут освободиться от того, что вошло в них с кровью поколений, что восано с молоком матери, — этот Закон есть основа нашего Отечества и именно на искоренение его направлены все усилия Советской власти.

Борьба против этого Закона сделалась первоцелью коммунизма. Только верные ему не могут примириться с большевизмом и не смогут никогда, даже если бы "там", в силу каких-то чудес, прекратился бы нищета и ослабилась бы производ. Может быть, и не вполне осознанно, но русский народ отстаивает верность свою, и неравная эта борьба стоила нам море крови и слез, сотен миллионов искалеченных и загубленных жизней.

В плане борьбы против нравственного и духовного Закона России Советская власть кроме кнута давно уже применяет политику пряника. Она повела борьбу на привлечение на свою сторону русских людей нужных ей категорий, и эта борьба не была безуспешной к великому стыду нашему. Сначала за пайки, потом за право входа в закрытые распределители, за орден и почет, квартиры и автомобили — многие из представителей ученого мира и мира искусства перешли в лагерь Советской власти. (Не станем говорить о тех из них, кто изменили Родине еще до прихода большевиков к власти, кто сами делали революцию). Как бы ни приглашали, было много таких, которые не пошли. Твердые в верности исконному закону России, они либо с самого начала ушли в частную жизнь, либо, не будучи в состоянии уклониться, настаивали на мерах, отвечавших русским обычаям, противодействовали мерам Советской борьбы. Они были уничтожены. Вечная память борцам за Россию!

Но нашлось и великое множество таких, кто ради служения науке пренебрегли Законом Родины. Советская власть обеспечила им благополучие и они достигли мировой славы. Они мнят себя слугами науки и искусства будучи слугами большевизма и изменниками Родине.

Конечно, среди советских ученых есть люди гениальные. У них нельзя отнять того, что они прославили на весь мир способность русского человека к искусству и к точным естественным наукам. Пусть за это их славят те, кому дороги эти науки, кому дорога искусство. Нам дорога честь Родины. Эту честь они попрали, став в лагерь изменников Родине. Глубокий покаянный подвиг ждет тех из них, кто пожелает вернуться в лоно исторической России, под сень Закона Христова. А те из них, кто к этому зову останется глух, пусть помнят пушкинские слова:

Не уйдешь ты от суда людского,
Как не уйдешь от Божьего Суда.

Может быть, есть русские националисты, в сердце которых все эти "Капицы" вызывают восторг. В сердце русского патриота, верного Закону Христову, эти ученые, при всей их гениальности, вызывают сожаление.

Но не из "Капиц" состоит, слава Богу, русский народ. Кондратьевы и Чаяновы, Игнатьевы и Чичибабины были и есть, как есть "семь тысяч, не преклонивших колен Ваалу". Россия окажется списанной с исторических счетов лишь в том случае, если когда-нибудь на земле не останется ни одного русского человека, верного Св. Православию, если совершенно не останется русских людей, способных откликнуться на православный благовест. Пока живы такие люди — жива Россия!

И вот Советская власть, изменившая Родине, именно против них направляет свое жало. Она помирилась с ученой интеллигенцией, которая по-началу встретила ее бойкотом. Она помирилась с генералами (Брусиллов), с помещиками (Станиславский), с графами (Игнатьев и Толстой); она помирилась с оппозиционерами, освободила их из лагерей и реабилитировала даже расстрелянных. Она помирилась с попами, сумевшими извратить Закон Православной Церкви (Симанский Ярушевич). Но с людьми, верными исконному духовному и нравственному Закону, воспринятому Россией Законом Христову, она не примирится никогда, как не примирится с нею и они. Верность эта есть единственное "преступление", которое Советская власть никогда не простила и никогда простить не может. Иначе она перестанет быть сама собою.

Но... Советская власть рядится в рус-

ский кафтан. Это мы видим на географической карте. Это мы видим во внешнеполитических актах, где она идет по тем же дорогам, какими шла бы императорская Россия, — хотя Советская власть делает это совершенно иначе и с иными целями. Будучи подчинена своему закону, бездушному и аморальному, закону извращенной правды, она несет з л о там, где Императорская Россия несла бы благо.

Рядясь в русский кафтан, Советская власть заявляет, что она насаждает культуру национальную по форме и социалистическую по содержанию. К сожалению, многие не замечают того, что, поскольку закон социалистического содержания порождает право, прямо противоречащее существованию и праву морального и духовного закона России, этот советский лозунг есть чистой воды блеф. Социалистическое содержание советской культуры несовместимо с содержанием русской народной, национальной культуры. Упразднение национального содержания, насильственная замена его содержанием социалистическим пагубно отражается и на национальной форме. Уродуется душа народа и от национальной культуры остаются только... фестивали песни и пляски народов СССР. Иностранцы восторгаются русскими танцами, но сами исполнители отлично понимают, что исполняют они всего-навсего "рыбьи пляски" (вспомните Крылова).

Мы силится найти термины, чтобы объяснить разницу между Россией и Советским Союзом, — СССР. Но все наши попытки тщетны. Иностранцы смогут понять это только тогда, если и когда они поймут, что Отечество не находится в географии, что Советская власть изменила Родине, что она искореняет основной исторический закон России и на место его насаждает насильственно свой закон — бездушный и аморальный. Но чтобы понять всю трагичность этого явления надо понять закон России. Кто из иностранцев на это способен, если и в нашей среде это понимание недостаточно отчетливо?

"Свобода мыслей и суждений невозможна без твердых основ, без данных сознанных и созданных самобытно деятельностью духа, без таких данных, в которые он верит с твердою верою разума, с теплою верою сердца".

(А. Хомяков)

В годы переживаемого безвременья русский патриотизм оказывается в состоянии тяжелого кризиса. Все попытки повлиять на ход событий так, чтобы вызвать падение Советской власти, кончились полным неуспехом. Военные политические, социологические планы будущего устройства России из области творческих соображений и горячих вдохновенных споров перешли в область... толчения воды в ступе (прости же за выражение). Русский национализм истощает себя в суждениях о грядущих событиях, в горячих дебатах о недопустимости расчленения России Америки. Русский национализм ужасается при мысли видеть Москву под сенью знамен чужестранных государств. Горячность приводит к тому, что при этом проходят мимо факта, что Россия находится под сенью не только чуждого но враждебного ей знамени, вот, уже более сорока лет.

Русский народ, поработанный большевизмом, расценивает любую иностранную оккупацию, как освобождение. В этой оценке он ошибся, встретившись с Германией Гитлера. Но ошибся он только внешне. Внутренняя правота осталась. Допуская фантастическую возможность, что Германия полностью оккупировала бы всю Россию, понимая, что эта оккупация была бы гнетом, надо помнить, что даже при всей своей жестокости, представлении о которой дает жестокость немцев в военное время... хуже советской власти это не было бы. Но, гораздо важнее то, что Германия не могла бы вести борьбу против исконного закона исторической России. Он ее не касался даже в дни войны. Но именно он охраняет Россию, наполняет ее жилы кровью жизни, дает ей силы воспрянуть и восстать из пепла, подобно сказочному фениксу. Именно против этой силы борется большевизм. Это русский народ чуял, чуял и теперь так же, как и тогда. Переход на сторону немцев в 1941-45 г.г. был актом контрреволюционной борьбы за Россию. Поэтому, пусть и с оглядкой (опыт научил "обжегшись на молоке" и на воду дуть), но русский народ, верный исконной правде своей Родины, примет любую оккупацию, как освобождение. Ему нет причины бояться ее,

поскольку она сметает Советскую власть.

То, что в нашей среде наблюдается недостаточная чуткость к основе нашего Отечества, к тому святому и великому Закону, о котором столько раз мы здесь упоминаем, — есть отрывка нашего ужасного предреволюционного прошлого. Это отрывка отступления России от этого Закона, отступления, открывшего дорогу явной борьбе с ним. К ужасу нашему, мы до сих пор не видим в нашей среде достаточного числа людей, которые бы этот закон полагали во главу угла, которые начинали бы свою борьбу за Россию с верности Закону Христову, закону Его Церкви, с того, чтобы воплотить его в каждой мысли, в каждом слове, в каждом деле, в каждый день своей жизни где бы мы ни находились.

Мы не хотели бы оскорбить кого-либо нашими замечаниями и соображениями. Мы не говорим ничего нового, ибо основываемся на словах прозвучавших в прошлом веке. Пусть мы окружили их необходимыми сегодня дополнениями. Мы надеемся, что сказанное давно и повторенное здесь окажется тем недостающим звеном в мыслях и чувствах русских националистов, отсутствие которого не может не беспокоить каждого из нас, когда мы ощущаем некую недоговоренность, сбитость и неясность в высказываниях, исходящих от русских националистов.

Невозможность приложить наши руки к практическому делу... не является ли прямым указанием, что надо посвятить себя делу, которое может и должно делаться и сегодня. На Русской земле исконный Закон, сформировавший русский народ и русское государство, жестоко попирается. Россия, рассеянная в странах демократического мира, имеет свободу, и это вменяет ей в долг сохранить ему верность, усвоить его с энергией, с какою его усвоили наши далекие предки, проникнуться им, видя его самодовлеющую силу. Но увы, и к нам относятся слова Гоголя: имеем сокровище неценное, а мы его так далеко положили, что и сами позабыли где оно! Он имел в виду св. Церковь. Нам изучать надо этот закон, начиная с азов, и если мы этого не делаем, мы несем тяжкую вину перед Родиной.

В верности нашей Закону Христову, который мы должны изучать и исполнять усерднее, чем коммунисты изучают и исполняют свой марксов "талмуд", (так говорят в Москве!) мы найдем силы объединиться в единомыслии и единодействии. Знание, понимание и приложение к жизни нравственного и духовного Закона, которому Россия подчинилась исторически, Закона против которой ведет борьбу советская власть, — вот чего будет ждать русский народ от тех из нас, кому Бог даст вернуться на родную землю Отечества. Остальное приложится. Но если мы этого не сделаем, то не к чему будет прилагать и все планы государственного и проч. и проч. устройства будущей России. Пустыми и ненужными окажутся и проповедь монархии, и попытки насаждения чистой демократии и проч. и проч. Карта России навсегда будет разорвана на клочки и мы, как обувшая соль будем потоптаны в грязь, в землю, в прах и будем развеяны ветром истории. Да не будет этого!

Поговорим о событиях. Картина складывается печальная. Запад сосуществует с коммунизмом. Не станем говорить о том, ЧТО будет, если вор, не раз заявлявший о своей цели, этой цели достигнет.

Но не надо исключать и той возможности, что Запад очнется от сладкой дремоты. Что тогда? Единственным средством будет оборонительная война на полное уничтожение коммунистической власти. Надо иметь мужество понимать, что это не будет война за освобождение России, тем более не будет это война для ее восстановления в том виде, как того хочет русское сердце. Не надо исключать и той возможности, что война с коммунизмом может кончиться с миром с коммунизмом же. Впрочем, едва ли...

Никто из нас не в силах изменить направления хода событий.

Если бы дошло до такого столкновения Россия понесла бы большие потери и разрушения, которые, быть может, оказались бы последним актом страшного наказания, наизвергшегося на нее в течение последних сорока лет за богоотступничество в прошлом веке и в начале этого. Запад, в этом столкновении, понес бы заслуженное наказание за

все годы "торговли с людоедами"; Запад получил бы возможность испустить свой тяжкий грех, грех черствости и ненависти к русскому народу. Но какова бы ни была внутренняя суть, это будет война против России. И даже в борьбе Запада против территориальной России русский народ, ненавидящий изменника Родине — советскую власть, поможет Западу, чуя в его победе над большевизмом шанс восстановления Отечества, верного своему историческому Закону.

Помощь иностранным армиям, будет обеспечена со стороны русского народа, если их командование выбросит всего три лозунга и если оно будет соблюдать верность им от самого начала до самого конца.

Свержение советской власти.

Ликвидация органов МГБ.

Разгон коммунистической партии.

Что потом?.. Это покажет жизнь и верность русского народа основному Закону морали и духа, исконно воспринятому Россией в купели св. Благоверного Великого Князя Владимира. Или... его неверность, увы.

Хомяков был несомненно прав, когда он сказал, что "Отечество находится не в географии". Однако, надо внимательно отнестись к этой формуле. Есть географические обстоятельства, которые исторически сплелись с сущностью народного духа. Нарушение таких географических факторов есть насилье над формой, в которой протекало хранение русским народом его великого и святого Закона и с которой за тысячу лет сплелись в неразрывный клубок нити его сердца.

Израиль нельзя было учредить ни в Аргентине, ни в Биробиджане. Нужна была Палестина.

Отторжение от России Почаева, Новгорода, Кнева, Пскова... отторжение этих последних от Москвы, Валаама Кронштадта, Сарова и Оптиной, словом — разорение исконного русского гнезда во всей численности некоторых в этом смысле многозначительных географических понятий есть, конечно, акт погнания исторического Закона России; против него русское сердце решительно протестует и с ним не примирится. (Приходилось ли Вам обращать внимание на то, что сепаратисты безразличны к Православной Церкви? Если Церковь их волнует, то лишь, как средство националистических тенденций. Присмотритесь и вы увидите, что это так).

Впрочем, зачем забегать вперед и делать соображения о том — где, как, почему и какой...

..... воевода Пальмерстон

Расчленяет Русь на карте

Указательным перстом"...

Надо твердо помнить, что не так все будет, как шепчут расчленительные, сепаратистские, социалистические, демократические и даже солидаристические бабушки. Не будет и так, как мыслят многие монархисты или как могут планировать действительно серьезные и власть имущие политики. Борьба откроет столько новых обстоятельств, что смешаются все планы. Как, например, вам понравится возможность что из Москвы придется выбивать...не коммунистов, а китайцев?

В тот день, когда отгремят последние выстрелы войны, взойдет солнце свободы России увидит груды дымящихся развалин и смятенные толпы голодного, нищего, бездомного народа. Годы и годы пройдут, прежде чем возникнет возможность какой бы то ни было творческой работы для государственного созидания. Даже сепаратистам

SUIPACHA 156 - 1er p.

BUENOS AIRES
БЮРО ПУТЕШЕСТВИЙ

ПОЛЕТ в США и КАНАДУ —
от Ам. \$ 220

Все справки и советы совершенно
бесплатно и без каких-либо обяза-
тельств со стороны клиента.
ГОВОРЯТ НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ
РУССКИЙ ПЕРСОНАЛ

Открыто ежедневно от 9-18.30 час.
Телефоны: 35-6579 и 35-7912

не придется торопиться под шумок отхватить свои пироги, ибо пирогов не будет. Будет дым и пыль, голод и болезни, пожары и бандитизм, самосуды и партизанщина, не знающая кто против кого борется.

Но верим, останется Россия верная Христу. Она будет ждать слова правды от русской патристической эмиграции. Война упразднит российскую географию, но если останется живо то Отечество, которое не в географии находится, то не страшны ему никакие беды. Наше Отечество способно сохраниться в будущем лишь в том случае, если сохранится та его часть, которая верна Закону Христову. Там и здесь! Пестовать, возвращать, лелеять эту его часть и есть наш долг сейчас, теперь, сегодня. Ни больше, ни лучше мы ничего сделать не можем, но это делать мы должны до последнего издыхания.

Со Христом Россия не боится ничего. В тесном общении с людьми западного мира, вторгшимися в Россию для обороны своего мира от коммунизма, освобожденное православное наше Отечество даст им возможность приобщиться к истинной русской культуре, понять Россию, видеть ее и... может быть, именно так наше Отечество исполнит свое назначение быть провозвестником Правды Божией для всего мира.

Не в географии находится Отечество, но в верности Закону Христову, хранящему в св. Православной Церкви. Верность Закону Христову победно провела Россию через все бедствия истории. Коммунизм губит этот Закон. Он — самый страшный враг России. Сохраним же эту верность, чтобы принести ее свет на Родину, которую освободит оборонительная война Западных стран против коммунизма. Россия воспрянет из пепла пожарниц!

Впрочем, что рассуждать о невероятном. Запад глух ко всем громам. Он не собирается обороняться от деятельности советской власти, несущей ему тем более верную гибель, чем дальше откладывается срок последнего ультиматума, последнего удара. Запад спит. Уклонимся же от дерзостной попытки поднимать завесу будущего. Наша борьба за Отечество, за его великий и святой Закон неотделима от каждого сегодняшнего для нашей жизни, где бы мы ни были. Мы боремся за Родину не завтра, а сегодня!

Без гордости служа святому и великому нравственному и духовному Закону нашей истории, будем надеяться, что Господь Бог даст нам светоч этого Закона донести на освобожденную от большевизма родную землю и утвердить его там на свещнице да светит всем.

— Фантазия! — говорят нам, когда мы высказываем несомненную веру в возрождение России.

— Фантазия! — воскликнул бы наблюдатель XI века, если бы кто-то сказал ему о будущих судьбах нашей Родины.

"Камень его же небрегоша жидущии, Сей бысть во главу угла. От Господа бысть Сей и есть дивен во очесех наших" (Пс. 117, 22-23). Отсюда и должен рождаться русский патриотизм.

Годы ли или десятилетия еще суждено России нести наказание за свое предреволюционное отступление от Закона Христова? Это наказание есть свидетельство сыновства России Богу. Сколько времени еще нести тяжкий крест наказания, о том ведает один Бог. Но сколько бы времени ни прошло наше служение Божьей Правде и Родине останется неизменным. И да поможет нам Бог!

Н. Кусаков

Н. Потоцкий

Недоноски российского либерализма

1.

Придет время, когда беспристрастные историки нашей возродившейся Родины напишут "правдивые сказанья" о 1917 годе и посвятят особую главу эпохе Временного Правительства. Но ответственность за то, чтобы эта глава была действительно правдива и объективна, лежит и на нас, современниках этих роковых и сумбурных событий: мы должны приготовить для этих историков возможно большее количество серьезных и неопровержимых документальных данных, чтобы наши ближние и дальние потомки, изучая историю родной страны, получили правильное представление, в частности, о том ее периоде, когда, добившись осуществления своей заветной мечты — свержения "кровавого царизма", — российский либерализм воссел на обломках его трона и приступил к постройке "невыразимо прекрасного будущего".

Но кто же именно, какие "сливки" этого либерализма были вынесены на гребнях мутных волн бабьего и солдатского бунта на вершину этого престола, что именно представляло собою это Временное Правительство, с такой "необыкновенной легкостью в мыслях" взявшее на себя грандиозную ответственность управлять нашим великим, талантливым, трудолюбивым и совестливым народом в одну из самых трагических минут его исторического существования?

Принимая во внимание ту незаурядную энергию, с которой наше так называемое "освободительное движение" боролось на протяжении многих десятилетий против ненавистной для него Царской Власти, несомненную, хотя нравственно дефективную (ибо атеистическую), культурность верхов этого движения, неоспоримую, хотя морально порочную (ибо устремленную к торжеству злого дела) храбрость и жертвенность наиболее активных его элементов, можно было бы с полным основанием предполагать, что, одержав победу над "бездарной бюрократией старого режима", российский либерализм выдвинет к вершинам власти свою подлинную элиту, пышный и яркий букет блестящих правителей, людей величайшей силы духа, талантливых организаторов во всех областях народной жизни, беспощадных борцов со всеми препятствиями на пути к победе над внешним врагом и над сразу же наметившейся внутренней разрухой, одним словом, подлинных государственных деятелей, способных не только огненным словом, но, главное, властными, авторитетными и максимально решительными действиями вести за собою народные массы, заразить их своим энтузиазмом, вдохнуть в них непоколебимую веру в несомненную и близкую победу на фронте, которая должна была обеспечить нашей Родине первое место в мире. Если бы такой элиты нашего доморожденного либерализма не нашлось, то не получало ли полное основание суждение о нем самом, как о духовно гнилом и политически импотентном болезненном наросте на организме нашей великой Нации?

Увы, такой элиты не нашлось, а потому и самый этот либерализм заслуживает лишь диагноза очага беззастенчивых и ядовитых бактерий, удалить который путем самой безжалостной операции, к сожалению, не нашло в себе силы сошедшая со сцены государственная власть. Ибо личный состав Временного Правительства нельзя охарактеризовать иначе, как собрание совершенно безвольных, бездарных, абсолютно неподготовленных к выполнению выпавших на их долю функций. малодушных — порою до полной трусости — и лишенных сознания своего великого долга перед великой Нацией людей, жалких пигмеев по уровню развития их национального самосознания и подлинных недоносков того российского либерализма, который мог только разру-

шить, но был органически неспособен творить, создавать, строить и, в особенности, поддержать величественную храмину своего Имперского Дома в тот момент, когда она заколебалась и грозила обвалом.

Чтобы не быть голословными в такой суровой характеристике этих "цветочков" нашего либерализма ("ягодки" появились несколько месяцев спустя, в Октябре), мы обратимся к исключительно достоверному источнику, достоверному по одному тому, что он сам принадлежал к этому же лагерю борцов против Монархии и занимал в этом самом Правительстве пост, с которого ему было в высшей степени удобно наблюдать новых носителей власти и их одиночную и коллективную работу на пользу Родной Земли. Это был никто иной, как управляющий делами Временного Правительства и виднейший член партии к. д., В. Набоков, тот самый Набоков, который несколько лет спустя был убит пулей, предназначавшейся для Милюкова и выпущенной большим русским патриотом Шабельским-Борк ("Старый Кирибей"), стремившимся отомстить лидеру либеральных словоблудов за его гнусную клевету на Царскую Семью. В своем большом очерке "Временное Правительство", напечатанном в первом томе Архива русской революции, он дает уничтожающую характеристику и отдельным членам этого жалкого синедриона и всей его работе в целом, а поэтому нашей обязанностью является довести эти характеристики до будущего историка, который захочет честно справиться со своей неблагодарной задачей — дать верную картину лицам и событиям той эпохи, которую лучше всего можно определить словами: "бывали хуже времена, но не было подлей".

Первые дни "великой и бескровной" "Народная революция" торжествует... Она вручила бразды правления своим избранникам, тем, кто столько лет готовил эту победу. Как горды, какой безграничной радостью, какой бодростью духа, какими яркими надеждами на грандиозный взлет своего народа, освободившегося от тяжелой власти деспотического самодержавия должны быть наполнены эти новые правители! И какою в особенности яркою, духовно напряженною, заряжающею всех окружающих своим энтузиазмом фигуру должен был представлять собою глава новой власти, какую бешеную энергию развивать в национальном строительстве, в организации победы! Кто же этот глава? — Князь Г.Е. Львов. А между тем, Набоков, пришедший в Таврический дворец 2-го марта, пишет: "По дороге (в коридоре) нам попался навстречу кн. Г.Е. Львов. Меня поразило его мрачный, унылый вид и усталое выражение глаз". (Подчеркнуто, как и все в последующем изложении мною. Н. П.). И дальше Набоков говорит: "Задача министра-председателя была очень трудна. Она требовала величайшего такта, умения подчинять себе людей, объединять их, руководить ими. И, прежде всего, она требовала строго определенного, систематически осуществляемого плана. В первые дни после переворота авторитет Вр. Правительства и самого Львова стоял очень высоко. Надо было воспользоваться этим обстоятельством, прежде всего для укрепления и усиления власти. Надо было понять, что все разлагающие силы наготове начать свою разрушительную работу. Надо было уметь найти энергичных и авторитетных сотрудников". Ничего этого кн. Львов не понял и ничего подобного не сделал. "Одно должно сказать, как бы сурово не звучал такой приговор: кн. Львов не только не сделал, но даже не попытался сделать что-нибудь для противодействия все растущему разложению. Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать возки. Сколько я пережил мучительных заседаний, в которых с какой-то неумолимой ясностью выступали наружу все бессилие Вр. Правительства, разногласия, внутренняя несогласованность, глухая и явная вражда одних к другим, и я не помню ни одного случая, когда бы раздался со стороны министра-председателя властный призыв, когда бы он высказался решительно и определенно". "Никогда не случилось получить от него твердого, определенного решения, — скорее всего он

склонен бывал согласиться с тем решением, которое ему предлагали. Я бы сказал, что он был воплощением пассивности. Казалось иногда, что у Львова какая-то мистическая вера, что все образуется как-то само собой. А в иные моменты мне казалось, что у него совершенно безнадежное отношение к событиям; что он весь проникнут сознанием невозможности повлиять на их ход, что им владеет фатализм"...

Таков был новый кормчий российского государственного корабля, вождь либеральной элиты, получивший, наконец, долгожданную возможность спасти Россию от неминуемого, по их утверждению, поражения в случае сохранения "старого режима". Куда должна была пойти, в какой тупик, в какие несчастья наша бедная Родина с такими "спасителями", было ясно с самого начала.

Это, повидимому, с первых же дней понял и другой столп новой власти, А. И. Гучков. Каким энтузиазмом, какой необузданной радостью и какой кипучей энергией должен был быть обуреваем этот военный министр Вр. Правительства от сознания, что сбывается, наконец, его долголетняя мечта — свергнуть лично им ненавидимого Императора, привезя Ему текст отречения, а затем, сменив во главе армии "бездарных" Беляевых и Шуваевых, повести ее к победе. И вот, что пишет о нем Набоков: "Теперь, оглядываясь назад на это безумное время (вот уж подлинно безумное! Н. П.), я склонен думать, что Гучков с самого начала в глубине души считал дело проигранным и оставался только по долгу совести. Во всяком случае, ни у кого не звучало с такой силой, как у него, нота глубочайшего разочарования и скептицизма, поскольку вопрос шел об армии и флоте. Когда он начинал говорить своим негромким и мягким голосом, смотря куда-то в пространство, меня охватывала жуть, сознание какой-то полной безнадежности. Все казалось обреченным". "Я помню, что его речь в заседании 7 марта, вся построенная на тему "не до жиру, быть бы живу", дышала такой безнадежностью, что на вопрос, по окончании заседания, "какое у вас мнение по этому вопросу?", я ему ответил, что, по-моему, если его оценка положения правительств, то из нее нет другого вывода, кроме необходимости сепаратного мира с Германией. Гучков с этим, правда, не согласился, но опровергнуть такой вывод он не мог". "Гучков — и это характерно — первый из среды Вр. Правительства пришел к убеждению, что работа Вр. Правительства безнадежна и бесполезна, и что нужно уходить". "Он требовал, чтобы Вр. Правительство сложило свои полномочия, написав себе самому некую эпитафию".

Таков новый глава обороны великой страны в роковой момент ее истории! И когда смотришь на эти жалкие фигуры Львова и Гучкова, то с горечью констатируешь, как далеко им было до Клемансо и Петэна, которые в это же лето 1917-го, когда во французской армии появились чрезвычайно грозные признаки разложения, поражения и коммунистической пропаганды, нашли в себе и духовные силы, и надежные части в армии (их немало было и у нас!), чтобы в корне парализовать угрозу распада фронта, подавить мятежи, вспыхнувшие во многих полках, расстрелять зачинщиков и полностью восстановить боеспособность армии.

Дальше следует министр, сначала финансов, а потом иностранных дел, Терещенко, "блестящий молодой человек, который проник в театральные сферы, стал известен, как страстный меломан и покровитель искусств, а с начала войны, благодаря своему колоссальному богатству и связям, сделался видным деятелем в Красном Кресте". "Как министр финансов, он — за два месяца пребывания в этой должности, кажется, не оставил сколько-нибудь заметного следа. В своей деятельности, как министр иностранных дел, он задался целью следовать политике Милюкова, но так, чтобы Совет рабочих депутатов ему не мешал. Он хотел всех надуть, — и одно время это ему удавалось. Нигде, решительно ни в каком общественном круге, ни в какой политической группе он не пустил прочных корней, никто им не дорожил, никто не ставил его высоко. Отсутствие у него твердых

ДОКТОР ВЛ. ГОЛОВИН
ГЛАЗНЫЕ БОЛЕЗНИ

Ежедневный прием
от 14 до 20 час.
Independencia 825,
Villa Ballester (est. Chilavert)

ЗИМНЯЯ ПОМОЩЬ ИНВАЛИДАМ Р. О. А.

СОЮЗ ВОИНОВ ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

устраивает 27 сентября с.г. в помещении Д.Р.Б. (Карлос Кальво 2851)

ВЕЧЕР В ПОЛЬЗУ ИНВАЛИДОВ Р. О. А.

Хороший оркестр — Благотворительный буфет — Лотерея — Танцы
Билеты у членов СВОД-а и в Русском Доме

убеждений, продуманного плана, полный его дилетантизм в вопросах внешней политики, — все это делало из него, при данных обстоятельствах, человека, чрезвычайно удобного для разговоров. А за все время существования Вр. Правительства вся наша международная политика ограничивалась разговорами. Терещенко не был и не мог быть на высоте политической задачи, выпавшей на его долю. Роль его была для него столь же не по плечу, как и для большинства прочих министров. Столь же мало, как они, мог он «спасти Россию». А в марте-октябре 1917 г. Россию приходилось спасать в самом буквальном смысле слова».

Только гневом Божиим на весь русский народ за его цареступничество можно объяснить появление таких его «спасителей»!

Министр торговли и промышленности А.И. Коновалов. «Я не помню, чтобы он играл заметную роль. Чаще всего, мне кажется, он жаловался; жаловался на то, что Вр. Правительство не в достаточной степени занято разрухой промышленности, растущей не по дням, а по часам... Раньше всего в его обращениях к Вр. Правительству зазвучали панические ноты».

Не жалка ли роль министра одной из важнейших отраслей жизни страны, роль, которая состоит только в том, что он непрестанно «жалуется»!

Вот Шингарев, сменивший Терещенко на посту министра финансов. «Правда заключается в том, что Шингарев всю свою жизнь оставался по существу тем, чем он должен был бы остаться при более нормальных условиях: русским провинциальным интеллигентом, рассчитанным на нагосударственный, а на губернский или уездный масштаб. Совершенно случайно он сделался финансистом (из земского врача! Н. П.) Настоящим знатоком — теоретиком и практиком — он совершенно не мог импонировать. Слишком очевиден был его дилетантизм, слабая подготовка, ограниченный кругозор». К этому можно добавить только то, что Шингарев был типичным порождением того, столь желанного для наших Водовых и Кусковых западноевропейского парламентаризма, при котором вчерашний адвокат становится военным министром, а вчерашний преподаватель гимназии — морским.

А вот новый — после Керенского, ставшего «главноуговаривающим», — министр юстиции, Малайтович. Набоков рассказывает следующий забавный факт: «Социалист Соколов, назначенный Керенским сенатором, не захотел подчиниться решению принятому сенаторами, носить на заседаниях Сената мундир и прислал Малайтовичу заявление, в котором говорил о том, что Сенат поставил незаконное и произ-

вольное требование, заставляя сенаторов надевать на себя «эмблемы рабства» (т.е. пуговицы с изображением двуглавого орла над законом). Малайтович был страшно озадачен. «Как вы думаете, что нужно сделать?» — спрашивал он меня. Я ему иронически ответил, что на его месте бросил бы заявление Соколова в корзину под стол. «Как можно! Вы же его не знаете! Он этого так не оставит. Я уже думаю образовать по этому вопросу какую-нибудь комиссию. Главное, сейчас очень трудно вводить новые пуговицы. Откуда их взять? И они будут для сенаторов новым большим расходом...» Так как я не отвечал ничего, он со вздохом закончил: «Может быть, вы потом что-нибудь надумаете по этому вопросу...»

«Таким ничтожным, жалким вздором, — прибавляет Набоков, — занимался член Вр. Правительства за месяц до переворота! Можно ли после этой ядовитой картинке сравнивать такого «министра» со столь хулимыми нашими левыми Щегловитовым или Маклаковым?»

Не будем останавливаться на других, совершенно бесцветных фигурах этого, с позволения сказать, правительства, таких как Некрасов, Мануилов, Годнев и В.Н. Львов. Остановимся только на самом «ярком» из этих кукол российского революционного паноптикума — Керенском, которому Набоков дает совершенно убийственную характеристику. «Его внешний вид — некоторая франтоватость, бритое актерское лицо, почти постоянно прищуренные глаза, неприятная улыбка — все это вместе взятое мало привлекало. Ни в нем самом, ни в том, что приходилось о нем слышать, не только не было ничего, дающего хотя отдаленную возможность предполагать его будущую роль, но вообще не было никаких данных, останавливающих внимание. Один из многих политических защитников, далеко не первого разряда. Настоящего, большого, общепризнанного успеха он никогда не имел. Самолюбие его — огромное и болезненное, а самомнение — такое же. Позиция его, как «зложника демократии», была и двусмысленной, и недоговоренной и, по существу, ложной. Он весь был соткан из личных импульсов. Трудно даже себе представить, как должна была отразиться на психике Керенского та головокругительная высота, на которую он был вознесен в первые недели и месяцы революции. В душе своей он все-таки не мог не сознавать, что все это преклонение, идеализация его, — ничто иное, как психоз толпы, — что за ним, Керенским, нет таких заслуг и умственных или нравственных качеств, которые оправдывали бы такое истерически-восторженное отношение. Но несомненно, что с первых же дней

душа его была «ушиблена» той ролью, которая исторически ему — случайному, маленькому человеку — навязала, и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно провалиться... «С болезненным тщеславием в Керенском соединялось еще одно неприятное свойство: актерство, любовь к позе и, вместе с тем, ко всякой пышности и помпезности...» «Он сыграл поистине роковую роль в истории русской революции, но произошло это потому, что бездарная, бессознательная бунтарская стихия случайно вознесла на неподходящую высоту недостаточную сильную личность...» «Он органически не мог действовать прямо и смело и при всем его самомнении и самолюбии у него не было той спокойной и непреклонной уверенности, которая свойственна действительно сильным людям. Героического в нем не было решительно ничего. Самое черное пятно в его кратковременной карьере — это история его отношений с Корниловым». «Отношение его к самым серьезным текущим делам было исключительно легкомысленным».

«На наших собраниях Коновалов имел всегда крайне подавленный вид и, казалось, что он потерял всякую надежду. «Ах, дорогой В. Д., худо, очень худо!» — эту его фразу я хорошо помню, он неоднократно говорил мне ее. В особенности его угнетал Керенский. Он к этому времени окончательно разочаровался в Керенском, потерял всякое доверие к нему. Главным образом, его приводило в отчаяние непостоянство Керенского, полная невозможность положиться на его слова, доступность его всякому влиянию и давлению извне, иногда самому случайному. «Сплошь и рядом, чуть не каждый день так бывает, — говорил он. Сговорившись обо всем, настоишь на тех или других мерах, добьешься, наконец, согласия. Так так, Александр Федорович теперь крепко, решено окончательно, перемены не будет?» Получаешь категорическое заверение. Выходишь из его кабинета — и через несколько часов узнаешь о совершенно ином решении, уже осуществленном, или, в лучшем случае, о том, что неотложная мера, которая должна была быть принята именно сейчас, именно сегодня, опять откладывается, возникли новые сомнения или воскресли старые, казалось бы, уже устраненные. И так изо дня в день. Настоящая сказка про белого бычка».

Единственный человек, о котором Набоков отзывался с постоянной и высокой похвалой, это — Милоков. Это совершенно понятно, ибо Милоков был его личным большим другом, что, нужно надеяться, учтет объективный историк будущего, который будет исходить из многих фактов, не отвечающих дифирамбам пристрастных друзей и еди-

ДРУЖЕСКАЯ ПОМОЩЬ БОЛЬНОМУ ПОЛК. С.

Редакцией получены для пересылки тяжело больному Полк. С. следующие суммы:

из Канады — 5 долл.

номышленников кадетского лидера. Это пристрастие ясно проявилось уже в том, что, говоря о «знаменитой речи» Милокова на тему «Глупость или измена?» и признавая, что «направленная непосредственно против Штюрмера, речь эта метила, однако, гораздо выше. Имя Императрицы Александры Федоровны в ней прямо упоминалось», — Набоков замалчивает тот, ныне общеизвестный и признанный даже таким недругом Русской Монархии, как покойный Мельгунов, факт, что фактически для клеветнических выпадов против Царя и Царицы Милоков не имел никаких данных, и речь его была грубой фальшивкой и гнусной демагогией. Это заставляет нас сказать весьма простыми словами, что Милоков был человек бессовестный и типичный политикан, не стесняющийся в средствах для достижения своих «парламентарных» целей. Если добавить к этому, что это был типичный профессор, кабинетный теоретик, далекий от опыта подлинной государственной практики, то мы можем только сказать, что он мог бы быть весьма посредственным министром иностранных дел какой-нибудь захудалой страны и только в мирное время, но оказался совершенно не на высоте грандиозных требований трагических дней весны 1917 г. Независимо от этого, мы, русские люди, не должны забывать и его несомненное участие в заговоре, приведем к отречению Императора Николая II, и его отвратительную травлю Белого Движения, генерала Врангеля и галлиполицийцев, и можем только пожалеть, что пуля Старого Кирибея не явилась Божьей карой для этого либерального зубра, всеми средствами подрывавшего корни величайшего Российского Императорского дуба.

Таковы были жалкие недоноски нашего российского либерализма: бездарные ничтожества, национальные импотенты, бессильные болтуны, революционные Хлестаковы, возглавляемые жалким паяцом провинциального цирка, самовлюбленным фигляром захудалого театра. Что они могли дать России? Что они сделали для того, чтобы вернуть духовное равновесие потерявшему его в результате отречения Государя народу, внушить ему сознание необходимости выполнить свой национальный долг и беспощадно сокрушить все те злые силы, которые стремились превратить его в объект своего безумного, фанатического и преступного эксперимента?

На этот вопрос мы постараемся дать ответ в следующей статье.

Н. ПОТОЦКИЙ

то живая судьба... «обязанностей» совершилось та-

и самые тридцать пудов бумаги, отчасти сваленной в ящики, от- и сказал:

дела. Ну, тут уж вы сами разбе-

то он никакого понятия не име- ыми вопросами мне лучше всего младшие юрисконсульты» как-то к что только спустя дней пять я них в лоно «экономически-юри- мероприятия вынужден был от- кровенно полуграмотным и не- тому же его притягивал «блат» , где он мог явственно распоря- хонного персонала — и поэтому

ью пудами своих «дел» и лицом рылами из так называемого, со-

ь посерьезнее ГПУ.

В Л А С Т И

АМ»

и действительности определяется и качеством повседневной прак- оветского актива», которые для «приводным ремнем к массам». истративной практике последних подобран путем своеобразного в чрезвычайно однотипную про-

слойку, в высокой степени вытенировал в себе те — вероятно, врожденные — качества, которые определили его катастрофиче- скую роль в советском хозяйстве и в советской жизни.

Советский актив — это и есть тот загадочный для внешнего наблюдателя слой, который поддерживает власть крепче и надежнее, чем ее поддерживает ГПУ, единственный слой русского населения, который безраздельно и до последней капли крови предан существующему строю. Он охватывает низы партии, некоторую часть комсомола и очень значительное число людей, жаждущих партийного билета и чекистского поста.

Если взять для примера, очень, конечно, неточного, аутентичные времена Угрюм-Бурчеевщины, скажем, времена Аракчева, то и в те времена страной, т.е. в основном — крестьянством, правило не третье отделение и не жандармы и даже не пресловутые 10.000 столоначальников. Функции непосредственного обуздания мужика и непосредственного выколачивания из него «прибавочной стоимости» выполняли всякие «незаметные герои», вроде бурмистров, приказчиков и прочих, действовавших кнутом на исторической «конюшне» и «кулачищем» во всяких иных местах. Административная деятельность Угрюм-Бурчеева прибавила к этим кадрам еще по шпиону в каждом доме.

Конечно, бурмистру крепостных времен до активиста эпохи «загнивания капитализма и пролетарской революции» — как от земли до неба. У бурмистра был кнут, у активиста — пулеметы, а в случае необходимости и бомбовозы. Бурмистр изымал от мужицкого труда сравнительно ерунду, активист отбирает последнее. «Финансовый план» бурмистра обнимал в среднем нехитрые затраты на помещичий пропой души, финансовый план активиста устремлен на построение мирового социалистического города Непреклонска и, в этих целях, на вывоз за границу всего, что только можно вывезти. А так как, по тому же Щедрину, город Глупов (будущий Непреклонск) «изобилует всем и ничего кроме розог и административных мероприятий, не потребляет», отчего «торговый баланс всегда склоняется в его пользу», то и взимание на

экспорт идет в размерах для голодной страны поистине опусто- шительных.

Советский актив был вызван к жизни в трех целях: «соглядатайство, ущемление и ограбление». С точки зрения Угрюм-Бурчеева, заседающего в Кремле, советский обыватель неблагонадежен всегда, начиная со вчерашнего председателя мирового коммунистического интернационала и кончая последним мужиком — колхозным или не колхозным — безразлично. Следовательно, соглядатайство должно проникнуть в мельчайшие поры народного организма. Оно и проникает. Соглядатайство без последующего ущемления — бессмысленно и бесцельно, поэтому вслед за системой шпионажа строится система «беспощадного подавления»... Ежедневную, мало заметную извне рутину грабежа, шпионажа и репрессий выполняют кадры актива. ГПУ только возглавляет эту систему, но в рядную толпу оно не подпускается: не хватило бы никаких «штатов». Там действует исключительно актив и он действует практически бесконтрольно и безапелляционно.

Для того, чтобы заниматься этими делами из года в год нужна соответствующая структура психики. Нужны, по терминологии опять же Щедрина, «твердой души прохвосты».

РОЖДЕНИЕ АКТИВА

Родоначальницей этих твердых душ — конечно, не хронологически, а так сказать, только психологически, является та пресловутая и уже ставшая нарицательной пионерка, которая побежала в ГПУ доносить на свою мать. Практически неважно, из каких соображений она это сделала: то ли из идейных, то ли мать просто в очень уж недобрый час ей кося надрала. Если после этого доноса семья сней многосбегающей девочки даже и уцелела, то ясно, что все же, в дом этой пионерки ходу больше не было. Не было ей холу и ни з какую иную семью. Даже коммунистическая семья, в принципе поддерживая всякое соглядатайство, все же предпочтет у себя дома чекистского шпиона не иметь. Первый шаг советской активистки ознаменовывается предельством и из о л а ж и е й о т с р е д ы. Точно такой же процесс происходит с активом вообще.

Дневник наблюдателя

УЗЕЛ ЗАТЯГИВАЕТСЯ

Ради этикета следовало бы начать подробным отчетом о заседаниях очередной Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций, начавшихся на этой неделе. Но все, что там говорится, до такой степени представляет собою повторение пройденного, надоело в такой мере, что... не стоит. Интересно, быть может, отметить только, что вопрос о введении коммунистического Китая в состав ООН снова отложен до будущих заседаний. Звучат надоевшие северо-американские упреки и обвинения, не ведущие ни к каким последствиям. Будут говорить о регулировании взаимоотношений применительно к пользованию стратосферой, коснутся вопросов разоружения, прекращения атомных испытаний и проч. и проч. Уже было упомянуто имя Венгрии, будет упомянуто Формоза... в кулуарах поговорится о погоде, о последней "коктейл-парти" и не забудут оценить искусство того и другого партнера по игре в бридж.

Переговорный фронт, однако, имеет другую более болезненную точку: в Варшаве происходят переговоры американского посла с послом Красного Китая по вопросам о Формозе. Корреспондентам газет не удастся проникнуть в тайны хода собеседований. Удалось, однако, установить, что первое заседание послов на самом деле было... семьдесят четвертым. Только до сих пор они происходили секретно. Газетчики пытаются оценить успешность переговоров по длительности встреч послов. Чем дольше заседали, тем лучше! Строятся соображения: будут эти переговоры удачными или нет? Москва, между тем, просто разъяснила что переговоры обречены на неудачу.

Конечно, такое заявление можно приписать общей атмосфере натравливания советского населения на Америку. В порядке травли красная сторона еще с 1957 г. распространяет фальшивки, "документально изобличающие" Америку в захватнических планах, доказывающие, что американская армия никуда не годится и т.п. Публикуются эти "документы" под тем соусом, что они были потеряны американскими дипломатами. Эти разоблачения шиты белыми нитками по черному. Напр., письмо Мак Элроя к министру здравоохранения Ф. Берри из Вашингтона датировано днем, когда он в Вашингтоне не был. Однако, на фоне этой агитации в Вост. Европе и в арабских странах на фоне массовых антиамериканских митингов по всему миру СССР, надо понимать, что "московский Мальбрук серьезно собрался в поход".

Встревоженный возможными последствиями событий, происходящих в Тайваньском проливе, Айтзенхауэр обратился к Хрущеву с письмом, прося его повлиять на Красный Китай, чтобы тот отказался от применения силы. Никита Сергеевич не замедлил ответом, который прозвучал несколько ни тише, чем звучат крупнокалиберные пушки китайских коммунистов, держащие под непрерывным огнем остров Кемей.

О том, что он писал, скажем ниже. Сейчас взглянем на военные действия в Тайваньском проливе. Несмотря на тяжелый обстрел Кемоя, отдельным судам китайских националистов удается прорвать блокаду и выгрузить предметы снабжения, включая и боеприпасы, которых на Кемое не хватает. Выгрузка происходит в течение минут под наблюдением американских военных специалистов. Отчасти идет снабжение и по воздуху, причем разыгрываются воздушные бои между советскими и американскими самолетами, у руля которых сидят красные и национальные китайцы. Мы хотели бы назвать их белыми, но, за недостатком информации, остерегаемся пользоваться этим термином.

Семь американских служащих эвакуированы с Формозы. Продолжается усиление 7-й эскадры. Как бы сильна она ни была, красные китайцы грозятся, что могут потопить ее за два часа. Сложилось положение подобное корейскому: красные китайцы воюют против союзника Америки, а Америка не позволяет себе воевать против красных китайцев. Ведь бомбардировку Кемоя можно прекратить простым уничтожением коммунистических артиллерийских батарей на берегу, но китайцы с Формозы для этого слабы, а американцы... воздерживаются. Полагали, что

варшавские переговоры послов смягчат огонь китайских коммунистов, но предположение это оказалось ошибочным. Они добиваются своего и огнем выбивают Чан-Кай-шековцев, которые все еще бодро держатся на Кемое. Не забудем, что Кемей есть база для освободительного вторжения китайских националистов для борьбы за уничтожение коммунизма в Китае — цель, от которой Чан-Кай-ши не отказался.

Большевики провоцируют Америку на "первый выстрел", но спровоцировать не удастся. Коммунистам придется идти "ва-банк" и они уже заранее оправдывают свой первый выстрел.

Великий миролюбов Никита Хрущев, в ответ Айтзенхауэру отказался пригласить Красный Китай к прекращению применения силы и заявил, что если американские вооруженные силы не покинут Тайваньский пролив, то Китаю останется изгнать их силой, т.к. Формоза есть китайская земля. "Вмешательство во внутренние дела Китая должно прекратиться раз и навсегда. Американские солдаты, находящиеся в проливе Формозы, должны немедленно покинуть эту страну и отправиться домой", — пишет Хрущев Айтзенхауэру. Дипломаты пытаются понять: что это? уже ультиматум, или еще нет? ТАСС между тем добавляет к тексту хрущевского ответа знаменательные слова: "Атомные угрозы по адресу Народного Китая не запугают ни нас, (Советский союз) ни Народную Китайскую Республику".

Это меняет дело. До сих пор Западный мир имел дело с "Россией" и не имел дела с Китаем. Теперь он стоит лицом к лицу с коммунизмом, который шлет ему ультиматум и ставит свои требования. Будут удовлетворены эти требования или нет? Если они удовлетворены не будут, то придется заметить, что война началась не с того дня, когда из столиц выедут послы, но... с 13-го мая, когда лопнул нерв терпения у французов. Перечитайте наши дневниковые записи.

На Ближнем Востоке сейчас внешне все спокойно. Возможно, что окончание президентского периода Шамуна внесет какие-то поправки, эвакуация американских войск из Ливана станет называться, но... что произойдет до тех пор? Не забудем, что базы НАТО в Турции, усиленные в дни практической революции, стоят попрежнему. Расстояние между этими базами и Магнитогорском исчисляется в 2 часа 20 мин. полета бомбардировщика. Об этом в широкой печати не говорится. О Венгрии, об Иракской революции рассуждал каждый обыватель. Если вы спросите его сегодня о положении в Китае, он ответит весьма сбивчиво и неясно, выражая уверенность, что — войны, конечно, не будет.

Оживилась деятельность алжирских сепаратистов. В Париже среди бела дня они стреляли в Жака Сустеля, одного из инициаторов событий 13-го мая (он чудом избежал смерти; пуля порвала его одежду), террористические акты распространяются по Франции. Дело доходит до того, что алжирские террористы пытаются взорвать корабли французского военного флота, и под аккомпанимент взрывов и выстрелов во Франции, в Каире появилось "правительство" самостоятельного Алжира, немедленно признанного Нассером и Ко. Премьер-министром этого "правительства", большая часть членов которого сидят во французских тюрьмах, является алжирский аптекарь Ферхат Аббас, 59-летний борец за самостоятельность Алжира. Неясно — насколько существенной является эта карта в розыгрыше уже вплотную приблизившихся событий? Смятенный арабский мир попрежнему не представляет собою самостоятельной величины и его роль зависит от того, какую политику там поведут таяжущие стороны. Пусть говорят, что арабы "недолюбливают" англичан и американцев, но арабы отлично знают насколько они сильны. Колеблющийся же весьма охотно становится на сторону сильнейшего. А репутация, повидному, придется в ближайшие дни... "или раньше". Не придется ли Нассеру переселиться в Москву и там разыгрывать ту роль, что взял на себя алжирский аптекарь?

Как бы спокойно и уверенно ни чувствовал себя обыватель в сознании, что ООН не допустит до войны, московский ультиматум Айтзенхауэру звучит доста-

KRUSCHEV ORADOR ANTE LOS BULGAROS

Por el Ing. Raúl Escarcega
Recordó Krushchev cuando la Cominform en 1948 resolvió expulsar de su seno a Yugoslavia. El caudillo soviético encuentra ahora que esa medida estuvo bien en lo esencial; pero cuando se efectuó el XX Congreso del Partido Comunista de la URSS, en su famoso discurso secreto afirmó Krushchev que esa expulsión se había debido a los excesos del stalinismo.

Erigiéndose en juez, el amo del Kremlin afirmó que la conducta de los yugoslavos está causando estragos terribles en el movimiento socialista mundial. En la Revolución de Hungría, dice el jefe rojo que la Embajada yugoslava en Budapest fué un centro de conspiradores, un refugio de rebeldes, y en sus salones se gestó la guerra contra el régimen democrático popular del pueblo — es decir, contra el régimen comunista de Janos Kadar, impuesto a Hungría por los imperialistas de Moscú—. Llevó su audacia el tirano rojo hasta el punto de decir que en la representación diplomática yugoslava de Budapest hallaron cómodo asilo Imre Nagy, calificado como traidor por el jerarca de Moscú, y sus partidarios. No era posible que olvidara Krushchev lo que el gobierno de Yugoslavia dijo en aquella época: "La revolución de Hungría es una verdadera insurrección popular, y por lo tanto la intervención soviética armada es un atentado contra el pueblo, sin justificación ninguna". (Continuará)
"Informaciones Exclusivas"
(México, 19. 6. 1958)

точно отчетливо. Хрущев снял с себя маску улыбочивого и миролюбивого сосуществователя, и нельзя без внимания пройти мимо замечаний газетных работников, которые выражаются так: "И между тем, в то время как в ООН происходит то, что заранее известно всему миру, приходится сказать, что катастрофа слишком неизбежна, чтобы пытаться избежать ее".
Однако, наши заметки не являются прогнозом. Это, ведь, всего-навсего результат...

"Ума холодных наблюдений И сердца гострых замечаний".
Английская партия либералов постановила, чтобы острова Кемей и Матцу были нейтрализованы, чтобы Америка ушла из Тайваньского пролива и чтобы коммунистический Китай был принят в состав ООН. Английским либералам нужно и нравится именно то, что нужно и нравится Хрущеву. Есть, как видите, много разных способов предательства. Английские либералы пользуются одним из них. Если подобные защитники интересов коммунизма окажутся сильны и в САСШ, то мы в ближайшие же дни с удивлением узнаем, что все происшедшее в водах близ Формозы есть лишь случайное недоразумение на фоне мирного сосуществования. Тогда останется поздравить Никиту Хрущева с победой и ждать осуществления слов Ленина.

Напомним известную фразу. Ленин сказал так:
"Сначала мы возьмем Восточную Европу, затем массы в Азии, затем мы окружим Америку. Мы не должны будем даже атаковать ее, она сама упадет в наши руки, как переспелый плод" (Ленин, том X, стр. 172).

Впрочем, Америка тоже не лыком шита!
Вот официальный текст сообщения Белого Дома в Вашингтоне от 20 сентября с.г.:

"Сегодня утром Президент Айтзенхауэр получил через посольство САСШ в Москве текст пространного письма Председателя Совета Министров СССР, г. Хрущева, относительно положения на Дальнем Востоке.

Это письмо полно ложных обвинений; составлено в терминах оскорбительных и необдуманных; касается личности; содержит недопустимые угрозы. Все это делает это письмо неприемлемым с точки зрения обычаев международных отношений.

Письмо это отклонено и Управляющему делами посольства САСШ в Москве предписано вернуть это письмо Советскому Правительству".

Другое сообщение Белого Дома отмечает готовность САСШ достичь мирного разрешения вопроса путем переговоров. При этом СССР брошен упрек в том, что он срывает переговоры.

Наблюдатель

НАША СТРАНА

Орган монархической мысли
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ АМЕРИКА DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8467, Correio Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción. U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.
Mr. A. Klushkin, 196 — 6th Ave, Apt. B San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzoff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 & 14th St. New York 3. N. Y.
Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str. Edmonton, Alta.
Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slavve — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142
Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 14, Athenes.

Holland: Mej. A. Loeper, Amsterdamse Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q-d.
Polyglot Book Depot, 256 Collins Str., Melbourne C 1.
Mr. M. M. Spasovaky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

Контра газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс. Дубровского

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА

Аргентина — 4.50 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 12 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 60 ур. сент.; Парагвай — 10 гуар.; Чили — 100 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 75 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 15 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 75 фр.; Италия — 200 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

САСШ и Канада — 35 цент.; Бразилия 15 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.; Парагвай — 12 гуар.; Чили — 150 чил. песо; Франция — 115 фр. фр.; Германия — 1 нем. марка; Голландия — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписка принимается Редакцией "Нашей Страны" и ее представителями на определенное количество порядковых номеров.

Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за два месяца вперед.